

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

СОЛОМОН

РАССКАЗ

ОЛЬГА АВЕРС

Ольга Викторовна Аверс Соломон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69790123

SelfPub; 2023

Аннотация

Моя знакомая Авдотья Никифоровна знает много таинственных историй, которые совсем не выдумки. Всё рассказанное ей происходило с людьми на самом деле. А вы верите, что среди нас существуют иные силы? Не замечали странных людей? Не сталкивались с необъяснимыми и даже леденящими душу явлениями? Приглашаю вас познакомиться с мистическими историями. Повествование ведёт Авдотья Никифоровна. Рассказ «Соломон» затронет тему непознанного, сверхъестественного. Терять близких людей больно, а что если существует способ не расставаться с ними? И есть ли вообще?

Содержание

Ольга Аверс

Соломон

Повествование ведёт моя давняя знакомая Авдотья Никифоровна.

Родительница моя, поди, родом не из городских будет, из деревенских. Это мы в городе мало что вокруг себя примечаем, всё в суете да в делах, кружимся день за днём, не замечая жизни. Дни бегут быстро, похожие друг на друга, словно близнецы. Как тут внимание обратишь на странности, если вокруг народу тьма – у каждого свои заботы. Городским, как правило, и дела-то до соседа нет. Иногда и вовсе здоровьичка пожелать забудешь – так, кивнёшь знакомому на бегу и дальше понесёшься по делам.

В деревне не так. Там всем до всего есть интерес. Живут люди, как большая семья, да и ребятишки почти как общие растут, в любой дом вхожи. Куда ни загляни – везде ломоть хлеба дадут. Если свадьба, так столы прямо на улице накрывают. Никто специально приглашений не рассылает, приходят все по-родственному. Вместе рождению нового человека радуются, ну и, конечно, в последний путь всей деревней провожают. Поддерживают друг друга, с дальними родственниками знают, как любила говорить моя мама: «Роднятся». И уж если странности с кем случаются, незамеченным

такое не останется.

Так в деревне Е***ка, ***ского района, N*ского уезда, давным-давно, когда я ещё не родилась на белый свет, а моей маме было лет пять, жил дед Соломон.

Нет, это, конечно, не тот Соломон, который царствовал в Иудее. Как на самом деле звали того деда, теперь никто и не помнит, а имя своё он в народе получил потому, что умел сны разгадывать.

Бывало приснится в деревне мужику или бабе сон загадочный, и нейдёт из головы, мучает. Так они к Соломону, а тот и растолкует. Всё получалось так, как предсказывал старец. Колдуном ли был или провидцем – этого никто не знал. Только на деревне мудрым его считали, часто за советом обращались, поэтому и величали так.

Жил Соломон с красавицей женой, Прасковьей. Старше своей супруги был лет на двадцать или около того. Привёз он жену из соседней деревни. Прасковья слыла статной девицей: черноброва, коса в руку толщиной, взгляд лукавый из-под пышных ресниц. Не девка, огонь. Как перед такой устоишь? У всех парней дельные мысли из головы вылетали, когда Прасковья по улице с коромыслом шла. Все бабы по воду к роднику под гору ходили. Туда лихо добежишь. Всё ж налегке да с пустыми вёдрами, а обратно тяжко: в гору да с ношей.

Там же у родника и повстречал Соломон красавицу Прасковью. Мужик, что называется, в самом расцвете сил, правда

вдовый, но детьми не обременен. Много баб находилось на деревне охочих до Соломона, да никто в душу ему не западал. Уж думали, всё – сычом так и проживёт остаток дней. А тут Прасковью увидал, и словно гром грянул. Долго не думали, в церкви обвенчались, свадебку справили: в двух деревнях гуляли. Парни локти кусали, что чернобровая красавица старику досталась (именно таким и казался им Соломон!)

Переехала Прасковья в Е***ку, к мужу в избу. Целую телегу приданого родители снарядили ей. Стали молодые жить вместе. Сильно любил жену Соломон, души в ней не чаял. В деревне же всяко поговаривали про Прасковью, будто бы неверна она была мужу и других мужиков к себе привораживала. Чего только не придумают! Всё красота её не давала деревенским бабам покоя. Да и сама Прасковья знала цену себе, скромницей такую не назовёшь. Впрочем, речь пойдёт не об этом.

Когда Соломон умер, Прасковья ещё молодой была. Ох, как же убивалась она по мужу! Стояла у гроба и всё причитала: «Да на кого ж ты меня оставил? Нет жизни мне без тебя. Зачем ты покинул меня? С кем же я теперь по ночам говорить-то буду? Встань, друг любезный, не уходи или заведи к себе!»

Говорят, что с желаниями и словами аккуратными нужно быть, ибо силу животворящую они имеют, а уж речами к покойному тем более. Так и случилось. Чуть не забрал «милый друг» Прасковьюшку, как она того и хотела. И хотя тело Со-

ломона закопали в сырую землю, однако дух его стал навеваться в дом к ненаглядной каждую ночь.

«Как?» – спросите вы.

А вот так, что вся деревня видела.

Только летом начнёт смеркаться, появятся длинные фиолетовые тени от заката, как весь деревенский люд наблюдал такую картину: летит по небу шар огненный с хвостом, многие бы сказали, что на комету похож, только меньше по размеру, как шаровая молния. Пролетит, значит, огненный шар по едва потемнённому небу и упадёт за домом вдовы Соломоновой, искрами рассыплется. И звук, будто снаряд разрывается. Люди и говорят: «Никак нечистый к Прасковье прилетел».

Заметили сельчане, что изменилась вдова. Успокоилась быстро, траур скинула, брови стала подводить, глаза заблестели да румянец проступил на бледных щеках. Нехорошо это. Ведь сорок дней ещё не прошло, а вместо скорби у Прасковьи радость на лице. Люд деревенский дотошный, сердобольный. Прямо-то спросить боязно, а ну как в шею погонит любопытных. Так бабы с вопросами к сношельнице¹ вдовиной пристали, которая прослыла в деревне честной и набожной женой, чего нельзя было сказать о Прасковье.

Вот Анна и вывела родственницу на откровенный разговор, и выяснила, что Прасковья каждый вечер с покойным мужем встречается, всю ночь разговоры ведут, она щами да

¹ Сношельница – сноха (жена брата мужа).

пирогам его потчует. Приходит Соломон на зорьке вечерней. Сильным стуком в дверь возвещает о себе. Появится на пороге статный, как в молодости, каким Прасковья его и знать не знала, поскольку мала была и ещё под стол пешком ходила. Спросит Соломон разрешения в дом войти. Прасковья и рада-радехонька. Позволения даст, за стол усадит и потчевать начнёт.

– Ох, и сильный он, Аннушка, – рассказывала Прасковья. – Совсем не устаёт. Не было при жизни такого. За одну ночь и дров наколот, и печку побелил, и... – в этом месте вдова краснела и глаза в сторону отводила. – Ступает бесшумно. И всё-то в руках у него спорится. Вот только к детям не подходит. При жизни-то он их любил. Придёт, бывало, поздно, дети уже спят, а он каждого по голове погладит да в маковку поцелует. А сейчас даже в переднюю не проходит.

– Ох, Параша! – всплеснула руками Анна. – Знаешь ли ты, кто по ночам к тебе приходит? Не муж это твой, а нечистый в мужнином обличье. Погубит он тебя, если не прекратить всё это!

Прасковья вытаращила полные ужаса глаза на сношельницу, будто откровение это никогда ей прежде и в голову не приходило. Холодом тело обдало, леденящий страх в сердце закрался.

– Что же мне теперь делать? – побледневшими губами прошептала Прасковья. – Он обещал и сегодня вернуться... Я боюсь, Аннушка!

– Значит так, Параша, – рассудила родственница, – я приду к тебе сегодня, как только сумерки спустятся. Помогу от нечистого избавиться.

На том и решили. Как только начало смеркаться, Анна постучалась в дом Прасковьи. В руках держала Псалтырь, серебряный крест и святую воду.

– Запри дверь, Параша! – велела родственница.

Заметила Анна, что образа в переднем углу шторами прикрыты. Покачала головой. Раздвинула завеси, впустила Божий лик в избу.

Села Анна под образа и начала читать Живые Помощи:

– Живѣй въ помѣщи Вышняго, въ кровѣ Бѣга небѣснаго водворѣтся, речѣтъ Гѣсподеви: заступникъ мой еси и прибѣжище мое, Бѣгъ мой, и уповаю на Него. Яко Той избавить тя отъ сѣти лѣвчи и отъ словесѣ мятѣжна...²

Закончив читать, Анна встала и перекрестила каждое окно в доме. На дверь же тройной крест наложила и святой водой сбрызнула.

Спокойно на душе стало. Сели бабы за стол, лучинку зажгли, отдыхают. Тихо. Слышно только, как дети в передней посапывают, да кот на печке мурлычет. Время шло. Уж и вечерняя зорька ночью сменилась, а ничего странного не происходило. Дрёма стала одолевать снох. Сомнение в душу прокралось: «А не померещилось ли Прасковье всё? Не приснилось ли?»

² Псалом 90, цитата на церковно-славянском языке.

Внезапно раздался громкий хлопок возле дома. Яркие искры в окна полетели. Кто-то люто в дверь забарабанил, того и гляди в щепу разлетится. Мороз пробежал по коже, снохи от ужаса онемели и к месту приросли.

– Пришёл, – прошептала Прасковья.

Подскочить бы с места да под образа встать, но не могут и пошевелиться. Глядят на дверь, а там и правда Соломон стоит, молодой да красивый, глаза чёрные всю радужку закрывают, бесовским огоньком поблёскивают, и улыбка на лице, будто оскал звериный. Спиной к двери прижимается да на Прасковью свирепо смотрит. Пытается отлепиться от двери, шаг в избу сделать, а не может, словно стена невидимая путь преграждает.

– Уходи отсюда! И больше не приходи, – первая опомнилась Анна, выставив перед собой Святое Евангелие с крестом, будто щит.

Соломон оторвал лютый взгляд от Прасковьи и взглянул на Анну, будто до этого и не замечал жену брата. А та вновь Живые помощи громко читать начала:

– Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бѣга небеснаго водворится,

речеть Господеви: заступникъ мой еси и приближище мое, Бѣгъ мой, и уповаю на Него. Яко Тѣй избавить тя отъ сѣти ловчи и отъ словесе мятежна:

плещма Своима осѣнить тя, и подъ крилъ Его надѣшиися: оружіемъ обыдетъ тя истина Его. Не убойшияся отъ страха

нощнаго, от стрѣлы летящія во дни, от вѣщи во тмѣ переходящія, от сряща *{от нападенія}* и бѣса полуденнаго.

Соломон взвыл страшным голосом, обратился в шар огненный и с треском схлопнулся.

В избе воцарилась тишина. Запахло палёной овчиной, и только Анна продолжала бормотать:

– Падётъ от стрелы твоея тысяща, и тма одесную тебе, къ тебѣ же не приблизится: обаче очима твоима смѣтриши и воздаяніе грѣшниковъ ўзриши. Яко ты, Господи, упованіе моё: Вышняго положилъ еси прибѣжище твоё. Не приидеть къ тебѣ зло, и рана не приблизится тѣлеси твоему *{селенію твоему}*: яко Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнѣши о камень ногу твою: на аспида и василиска настѣпиши, и поперѣши льва и змѣя. Яко на Мя упова, и избавлю ѿ: покрѣю ѿ, яко позна ѿмя Моё. Воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его: долготою дней исполню его и явлю ему спасеніе Моё.

Анна дочитала псалом до конца, а Прасковья всё это время на коленях стояла, слезами заливалась, тряслась от страха, на образа смотрела и крестный знак на себя не переставала накладывать.

В ту ночь Анна осталась в доме сношельницы. Никто больше не приходил к ним. Да и в последующие ночи тихо было.

Постепенно позабыли в деревне о том, что когда-то при-

летал к Прасковье нечистый. Последняя не смогла больше жить в том доме. Собрала детей и уехала к родне в соседнюю деревню.